

бумаги, печати, наличия и способа воспроизведения иллюстраций и т. д.

### Знакомство с миром старых книг

Когда я начал собирать книги, то ещё не очень понимал значения этого слова «собирать». Я считал, что собирание заключается в систематической покупке книг, выходящих из печати. Разумеется, тех, которые мне нравились. В те годы, да и позже, выходило довольно мало книг, которые подходили под это определение «нравились». Ведь то, что нравилось одним читателям, могло совершенно не нравиться другим. Если рассматривать книги как товар, то надо признать, что это «штучный» товар. И никогда книголюб не может прийти в книжный магазин и сразу купить всё, что ему хотелось бы иметь. В этом и прелесть книжного собирательства, что просто купить, что хочешь собрать, практически невозможно.

Я это отчётливо понял тогда, когда достоверно для себя выяснил, что желаемый состав будущего собрания купить одновременно невозможно. Желаемые книги выпускались не одну сотню лет, и собирать их будет неизбежным тоже много лет. А это означает, что центр тяжести покупок такими собирателями перемещается из магазинов, занимающихся продажей новых книг, в букинистические магазины. Ясно осознав это, я и отправился в эту страну.

Постепенно я узнал адреса московских букинистических магазинов и стал регулярно их посещать.

Будучи студентом, у меня была возможность ежедневно бывать в той или иной группе таких магазинов. Условно эти группы можно было бы разделить по территориальному признаку: первая группа — 5 магазинов в районе начала Тверской улицы, 4 магазина в районе, примыкающем к Лубянке, и 4 магазина в районе Арбата. В те первые послевоенные годы население города и близлежащих областей (в них не была организована букинистическая торговля) приносило довольно много старых книг для продажи. В магазинах для сдачи книг почти всегда стояли очереди.

Тогда-то я понял, что, очевидно, более трёх четвертей всех изданных в нашей стране книг выпущены до революции. Внимательно знакомясь с ассортиментом продаваемых книг, я обратил внимание, что многие постоянные покупатели, к их лицам я уже немного привык, спрашивали у продавцов, нет ли у них отдельных выпусков, книжечек или томов собраний сочинений разных писателей. К моему несказанному удивлению некоторые из покупателей, приобретая книжку какого-нибудь собрания сочинений, которая начиналась, например, со 161ой и заканчивалась 320ой страницей и не имела внутри себя ни одного названия произведения или его отдельной части, радовались как дети.

Когда же я поинтересовался у одного такого покупателя, чему он радуется, он мне ответил, что в его подборке собраний сочинений этого писателя, скажем, например, Станюковича в издании А. Ф. Маркса не хватает нескольких книжек, и сейчас он купил одну из них, приблизив конец составления полного

комплекта, который он немедленно продаст, получив определённую прибыль, выражавшуюся в разнице затрат на подбор собрания из разрозненных томов и книжек и ценой полного комплекта собрания. Для меня этот вид собирательства был, конечно, совершенно нов, и я постарался разобраться в его сути.

В те годы я, будучи студентом, каких-либо значительных средств для приобретения книг не имел. И тут на помощь мне пришла практика собирания книг, которая могла и приносила определённые доходы. В эти первые послевоенные годы спрос на книги в стране был очень велик. Появилось большое количество новых читателей в связи с повышением уровня грамотности народа и расширением кругозора людей после пребывания в различных странах Европы. В то же время огромные разрушения в освобождённых от немцев районах нашей страны, разрушения, в которых, в первую очередь, пострадали книжные собрания, как государственные, так и частные, не способствовали удовлетворению читательского голода. Достаточно вспомнить, что в Ленинграде, где была издана большая часть книг до революции в России, в годы блокады многих жителей города спасала от холода возможность согреться за счёт топки печек книгами. Имело также большое значение для увеличения спроса на книги и то обстоятельство, что в связи с перебазированием значительной части промышленных предприятий с запада страны на восток, где ранее почти не было книг, и поэтому в них возникла большая потребность. Утолить создавшийся в стране книжный дефицит уцелевшая после войны

полиграфическая база не могла, во-первых, в силу недостаточной мощности, во-вторых, типографии были заняты выпуском в колоссальных количествах политической литературы, в основном, сочинений Сталина, Ленина, Маркса и т. п.

В связи с этим, представители предприятий, обновавшихся на новых местах, приезжали в Москву (наверное, и в Ленинград, я этого не знаю), обращались в букинистические магазины с просьбой скомплектовать для них библиотеку, брали счёт на сумму, которая была выделена на эти цели, и после её оплаты магазины приступали к комплектованию, длившемуся, как правило, довольно долго.

Единственным реальным путём быстрого насыщения читательского рынка стало возможное восстановление определённого количества тиражей собраний книг, изданных до революции и разбросанных в виде разрозненных томиков и даже отдельных выпусков у многочисленных владельцев.

Суть этого дела в следующем: до революции наиболее популярным способом издания и распространения книг в больших тиражах был выпуск собраний сочинений русских и иностранных авторов в качестве приложений к журналам, пользующихся массовым спросом. К ним, в первую очередь, относились журналы: «Нива»,— издаваемый А. Ф. Марксом, «Природа и Люди»,— издаваемый П. П. Сойкиным, «Вокруг света»,— издаваемый И. Д. Сытиным, и «Родина»,— издаваемый А. Каспари. Кроме сытинского журнала, все они выпускались в С.-Петербурге. Как же производился выпуск этих книг? Подписчики на журналы

(а самым массовым из них была «Нива», издававшая, главным образом, собрания сочинений русских писателей), выбирали из рекламных проспектов, какими собраниями они хотели бы обладать, и выписывали их на свой адрес совместно с журналом. Издавались они и отправлялись подписчикам в виде отдельных выпусков объёмом, как правило, 160 или 192 страницы, в иллюстрированных обложках. Каждый отдельный выпуск не обязательно начинался либо кончался законченным произведением автора. Из таких выпусков потом составлялись отдельные тома, с титульным листом и законченными произведениями. Полный набор таких томов и составлял собрание сочинений. Таким образом, после окончания издания этого собрания у подписчика оказывалось на руках определённое количество выпусков в обложках, разделённое внутри на отдельные тома, и подписчик сам решал, оставить ли ему полученное собрание сочинений в таком виде, или переплести его в своём вкусе и в соответствии с имеющимися средствами. Издатель, кстати, предлагал свой вариант, он выпускал свои, так называемые, издательские переплёты, как правило, достаточно интересные, и подписчик мог получить их за отдельную плату и переплести в них своё собрание сочинений.

Естественно, что за полвека существования подобных собраний многие из них были разрозненны, у иных владельцев они сохранились в полном виде, а у очень многих — в разрозненных томах или даже в виде разрозненных выпусков, из которых нельзя было бы собрать даже отдельные тома.

Вот и появилась задача из таких отдельных кусочков воссоздать собрания сочинений в полном виде. Её решению способствовала, если можно так сказать, практикуемая тогда оценка собраний сочинений в целом и их составных частей. Речь идёт о собраниях сочинений многих русских классиков: Гоголя, Бунина, Лескова и других, если говорить применительно к приложениям к журналу «Нива». Так, например, собрание сочинений Лескова, состоявшее из 12 томов в 36 выпусках, стоило 450 руб. в масштабе цен тех лет, отдельных томов — по 10-15 руб., каждого отдельного выпуска — 30-50 коп.

В то время в Москве существовало около полутора десятков букинистических магазинов, куда население продавало свои книги, и, обойдя их, можно было в течение одного дня собрать если не полное, то хотя бы значительную часть какого-либо собрания. Так как этим делом занимались и профессионалы-букинисты, работники магазинов, то подобные тома и выпуски, в обиходе называвшиеся книжками, широко не продавались ими, на прилавки попадали лишь те из них, которых у них в запасе было уже несколько экземпляров. Вот эти книги и можно было увидеть на прилавках и купить. Если они были ненужные в этом магазине, совершенно не значило, что они не нужны в других подборках. Оценив это положение, я тоже начал подборку таких многотомных собраний, как с целью собирательства для своей библиотеки, так и с целью заработка.

Я называю полученный доход заработком, так как цель этой работы — создание из разрозненных кусков

собраний сочинений полных комплектов, по-моему мнению, вполне и вполне благородна.

Журнал «Природа и Люди», издаваемый П. П. Сойкиным, в качестве приложений предлагал собрания сочинений, в основном, иностранных авторов: А. Дюма, Ч. Диккенса, М. Твена, Жюль Верна, Ф. Купера, Майн-Рида, капитана Мариетта, Г. Эмара и т. п. Эти издания тоже распространялись отдельными выпусками, как правило, не соответствующими объёмам законченных произведений.

Полученные по подписке выпуски составлялись подписчиками в отдельные произведения авторов, а в конце издания из отдельных произведений составлялись собрания сочинений. Журнал «Природа и Люди» также предлагал своим подписчикам после получения всех романов издательские переплёты, обычно очень добротно и красиво выполненные. Собрания сочинений, издаваемые П. П. Сойкиным в издательских переплётах в хорошей сохранности, и сейчас являются книжным раритетом достаточно высокой стоимости. Те же подписчики, которые не хотели иметь издательские переплёты по различным причинам, материальным или эстетическим, могли переплести полученные книги в свои, так называемые любительские переплёты из кожи или других материалов.

Мне очень хотелось иметь издания П. П. Сойкина. Иметь многотомных А. Дюма в 24х, Ж. Верна в 18и, Ч. Диккенса в 13и, Конан-Дойля в 7и томах было мечтой книголюбов тех далёких пятидесятых годов прошлого века, так как других изданий этих писателей не было.

Однако полные комплекты этих собраний стоили очень дорого, я не мог и думать о приобретении их в полном виде. Мне оставался единственный способ — это подборка их по отдельным романам, частям, отдельным выпускам, а иногда и по страницам.

Можно даже вспомнить, что в то время в Москве был один книжный деятель, который собирал, т. е. покупал по случаю, дефектные книги сойкинских изданий без страниц, по кускам книг, сохранившихся у отдельных владельцев. Он покупал всё это не только в Москве, ездил по стране, где выискивал подобный книжный утиль, получая его либо бесплатно, либо за очень низкую цену. Постепенно у него подбирались неполные комплекты собраний, не доставало очень многого, но он неустанно продолжал годами пополнять их. Наряду с таким необычным видом собирательства он делал на этом своеобразный бизнес. Если вам не хватало в книгах вашего собрания отдельных страниц, обращаясь за ними к нему, вы смело могли рассчитывать, что вам их продадут, вынудив из своей подборки за внушительную плату. Его книжники за глаза называли г-н Страничкин. Я помню его настоящее имя, отчество и фамилия, но, думаю, их приводить неуместно.

Конечно, это первое знакомство с букинистической торговлей было весьма и весьма поверхностным. Оно ограничивалось старинными подписными изданиями классиков художественной литературы, но благодаря тому, что подборка этих, как правило, многотомных изданий продолжалась длительное вре-

мя, а это позволяло довольно близко познакомиться с ведущими букинистами Москвы и Ленинграда. По крайней мере, так случилось со мной. Когда же я перешёл к собиранию книг значительно более широкого спектра, в том числе антикварных, то приобретённые знакомства оченьгодились, так как букинисты—профессионалы, ставшие уже друзьями, многому меня научили впоследствии. Без их помощи мне бы никогда не иметь такого моего собрания.

### **Мой первый Ленинград**

Как только я начал читать русскую классическую литературу, начиная с пушкинского «Онегина», город Санкт-Петербург стал для меня, ещё двенадцатилетнего мальчика, жившего на Украине, затаённой любовью. История этого города, легко прочитываемая, имевшая в то время более двух веков от роду, его архитектура, многократно описываемая писателями и иллюстрированная почти каждым видным русским художником, наконец связь (наверное, мистическая) города с жизнью и судьбой любимого Пушкина,— очевидно, всё это предопределило моё трепетное отношение к нему. Сейчас, в 2004 году, когда я пишу эти строки, которым удивляюсь и сам. Почему, мне, мальчику, жившему в тридцатые годы XX века, ощутившему на себе всю мощь пропагандистского аппарата страны (школа, радио, кинофильмы, песни), прославлявшего Москву, как столицу родины (в ней жил и творил Сталин!), не бывшему ещё ни в Ле-

нинграде, ни в Москве, нравился образ прежней столицы больше? Размышляя об этом, предполагаю, что может связь Москвы и Пушкина в моём тогдашнем представлении была менее колоритной. Хотя факты говорят, что это далеко не так. Пушкин в Москве родился и женился, и после ссылки вернулся по вызову царя, и строки «Онегина» о Москве не менее великолепны, чем о Петербурге, но всё же, что-то мою симпатию подвигло в сторону северной столицы. Какое-то подтверждение возможной обоснованности этому сейчас, как уже состоявшийся собиратель Пушкинианы, могу найти и в таком факте: все издания книг под названием «Пушкинский Петербург» намного превышают по объёму информации и иллюстраций все книги под названием «Пушкинская Москва». Характерно, что все названные книги вышли из печати после революции. И хотя я в Москву попал на 5 лет раньше, чем в Ленинград, всё равно какой-то романтический налёт в своих ощущениях, который у меня проявился в детстве, сохранился и до настоящего времени.

Я не бывал в Ленинграде после возвращения этому уникальному городу наименования Санкт-Петербург. Поэтому как-то естественно получается, что я думаю о нём и книжных приключениях, которые мне достались в нём, как о Ленинграде. Наверное, никто и никогда не переименует Ленинградскую блокаду 1941–44 гг. в Санкт-Петербургскую. При всём уважении к основателю города Петру Первому Великому, давшему городу первоначальное, а значит, и основополагающее название, такое произойти не может.